

готовленной совместными усилиями АН СССР и АН МНР, ссылок на концепцию Л. Н. Гумилёва нет.

Заметим по ходу дела, что были у Гумилёва в этом отношении и другие предшественники. В 1876 г. в Лондоне вышел первый том труда Г. Хоуэрта «*History of the Mongols from the Ninth to the Nineteenth Century by Henry Howorth*». Рецензент «Русского Архива», отмечая, что этот почти 800-страничный том — «едва ли не первая попытка цельной и полной истории Монгольского племени», в то же время писал:

«Г. Говорт выражает странный взгляд на монгольские завоевания: он идеализирует их, идеализирует в особенности Чингис-Хана, которого выставляет великим государственным деятелем и законодателем, хотя по его же расчёту число жертв, загубленных опустошительными завоеваниями Чингис-Хана, простирается до 18 миллионов. Вся эта кровь и всё это разорение, по теории автора, были необходимы для обновления одряхлевшего мира: за ними последовал период возрождения и великих открытий (книгопечатание, компас и пр.), которые, по мнению автора, занесены были в Европу монгольским влиянием с дальнего Востока» (Русский Архив. 1877. Кн. I. Вып. 3. С. 423—424).

Как видим, «односторонний взгляд на монголов» оспаривался и до Гумилёва: Магницким — с теоретических и философских позиций, Хоуэртом — на солидном историческом материале.

Итак, к сообщаемым Гумилёвым фактам вполне подходит античная заповедь, которую Э. Бикерман рекомендовал всем историкам, имеющим дело с хронологией древнего мира: «*Caveat emptor*» — «Пусть остерегается покупающий».

IV.1.4. Г. Вирт

Не приходится и говорить, что в своём виртуальном хозяйстве (*virtuelle Wirtschaft*) Г. Вирт переворачивает с ног на голову все существующие представления. Начать с того, что, по его мнению, отделение людей от других приматов началось в эоцене (Steuckers 2007) — то есть примерно 58—37 млн. лет назад, когда даже австралопитеков ещё не было на свете. Хорошо, допустим. Допустим, что для Г. Вирта миф (и даже его единственная запись — в семейной хронике сомнительного происхождения) важнее научных данных.

Однако и сам Вирт, и его последователи настаивают, что его гипотетическая суша на Доггер-банке и есть Атлантида. Учтём даже, что затонувшие *города* (что для древности тождественно с *государством*) действительно существуют — иначе не было бы подводной археологии. Да и колебания уровня моря в историческую эпоху хорошо зафиксированы. Но ведь Атлантида известна со времён Платона и по его рассказу (в диалогах «*Тимей*» и «*Критий*»). Где же у Вирта *эта* Атлантида?

Где конфедерация десяти царств и ночные совещания царей (Критий 119c-120b)? Где культура бронзового века? Где подробное описание прямоугольного острова, окаймлённого с трёх сторон горными цепями? Где громадный город с круговой планировкой? Где система каналов, прорезающая весь остров с геометрической правильностью (Критий 118d-e)? Где миллионная армия и военный флот в 12 тысяч кораблей, обрушивающиеся на Средиземноморье, но терпящие поражение от жалкой (20 тысяч) кучки афинян? Где, наконец, моральный урок Платона — наказание атлантов потопом за «жалкую развращённость», в которую они впади (Критий 121c)? А если всего этого нет — почему *это* считается Атлантидой?

В сущности, у Вирта от рассказа Платона осталось только понятие о затонувшей земле, плюс её название. Всё остальное — от себя, включая культуру трегерскую роль атлантов. Как раз этого мотива у Платона нет: Атлантида у него — не прародина мировой цивилизации, а *другая* цивилизация, впрочем, не слишком отличающаяся от знакомой. Многие места платоновского мифа прямо указывают на Персию, вплоть до столицы, напоминающей Экбатаны в описании Геродота (Панченко 1990: 148—151). Уже это показывает, как далеки многие современные атлантологи от реальной истории. Но дело даже не в этом. Выбросив на помойку научную историю ради мифов, Г. Вирт вынужден проделать ту же операцию и с самими мифами. Он лучше Платона знает, что такое Атлантида! Между тем, если бы у него были хоть какие-то научные навыки, он должен был бы объяснить, *почему* он считает свою гипотетическую сушу именно Атлантидой и *на каких основаниях* он отказывается от некоторых элементов мифа Платона — причём насчёт каждого отвергнутого элемента в отдельности. Без этого всё его построение ничем не отличается от обычного горячего бреда. Упоминание «о гибели их [атлантонордов] столицы — Атланда» (Кондратьев 2007: гл.1) также ничего не доказывает. Мало того, что к случайным созвучиям нужно относиться с особым недоверием и тщательно проверять их причину (это — закон для всех серьёзных филологов), но ведь и сам Г. Вирт признавал «Хронику Ура Линда» многослойным документом, последняя редакция которого относится уже к XIX веку. А значит, слово «Атланд» могло быть вписано кем угодно, в том числе и тогда, когда мифы об Атлантиде вновь вошли в моду, — то есть в любое время после «Новой Атлантиды» Ф. Бэкона (1627).

Этот печальный случай показывает: если отвергнуть научные факты ради веры в достоверность мифа, то достоверность мифа уходит следом — по инерции, в силу той же логики. Точно так же, как говорят, А. Т. Фоменко, начав с пересмотра мировой истории в угоду своим астрономическим концепциям, в конце концов был вынужден пересматривать и астрономию — на сей раз в угоду своей «новой» истории.

IV.1.5. В. Н. Дёмин

Нет нужды перечислять все фактологические ошибки В. Н. Дёмина. Их достаточно много — гораздо больше, чем у Л. Н. Гумилёва, который ведь, как-никак, был профессиональным историком. Дёмин же — профессиональный философ, история для него — в лучшем случае смежная область. Сидон у него оказался в Малой Азии (Дёмин 1997: 162), Хара-Хото опять принят за столицу тангутов (: 281), остяки — не ханты, а кеты (: 193), Лукоморье — реальная древняя страна, где люди способны впадать в спячку (: 144—145), и т. д.

Опять буквально принимаются на веру сведения Тайттирия-брахманы и Авесты (а точнее, их пересказ Б. Тилаком) о «Прародине человечества, где Солнце всходит и заходит по одному разу в год, а сам год делится на один долгий день и одну долгую ночь, — что, как известно, соответствует ситуации, фиксируемой в высоких полярных широтах» (: 57). Ещё раз: или там были полярные ночи длиной в полгода — или условия для жизни. Кроме того, он полагает: «Данная концепция вполне совпадает с современными историческими, этнографическими и геологическими предположениями о существовании в далёком прошлом в обширных районах преимущественно Российского Севера огромной приполярной территории Арктиды, изменившей свой